

Литературная гостиная «Вышки»

Вышка. - Баму. - 1001 - 3 окт. - С5

Даже трудно представить себе: Есенину — скоро 100... А он для всего человечества по-прежнему молод. Сейчас идет активная подготовка к юбилею, который будет отмечаться по решению ЮНЕСКО во всем мире. Большую работу в этом направлении проводит Всесоюзное есенинское общество «Радунца», в работе которого деятельное участие принимает автор предлагаемого очерка, москвич Эдуард Хлысталов. Читатели «Вышки» уже знакомы с его очерком «Последнее любовное письмо Айседоры» («Вышка», 12 октября), а теперь, надеюсь, с интересом прочитают новую работу этого известного исследователя жизни и творчества великого поэта.

Направляя в редакцию «Вышки» свой очерк «Выстрел на кладбище», Э. Хлысталов обращается с просьбой к читателям нашей газеты — подписаться к поиску новых материа-

лов, проливающих свет на трагические загадки жизни и смерти поэта.

«Сергей Есенин написал в Азербайджане свои лучшие произведения, азербайджанский народ оказал ему радушие и гостеприимство», — подчеркивает Э. Хлысталов, — видимо, в республике еще живы люди, которые встречались в 20-х годах с Есениным, слушали его стихи, знают какие-то подробности его биографии. В архивах КГБ республики, возможно, сохранились некоторые документы из досье поэта...

Автор и редакция «Вышки» будут весьма признательны читателям и всем организациям за любую новую информацию о великом русском поэте.

Выстрел

ДНЕМ 3 декабря 1926 года на Ваганьковском кладбище в Москве, у могилы русского поэта Сергея Есенина, редкие прохожие видели одинокую фигуру скромно одетой молодой женщины. Слово скорбное извятие, стояла она перед небольшим холмиком и зимой укрытым живыми цветами. Сколько мучительной боли выражали ее влажные глаза, какая фатальная решимость была написана на ее лице. Все проходили мимо, никто не останавливался, не придал особого внимания этой женщине, потому что на кладбище все грустные и молчаливы, и приходят сюда, чтобы отдать долг памяти родным и близким.

Потом женщина достала пачку папирос «Мозаика», закурила. Нашелся листок бумаги. Она быстро набросала записку. Прикурила от окурка вторую папиросу. Вновь задумалась. Наконец, она решилась окончательно. На коробке от папирос набросала несколько слов...

Вскоре прозвучал пистолетный выстрел. От его звука вспорхнули на голых деревьях недовольные вороны, закаркали отчаянно на всю округу, полетали немного и по одной стали садиться на прежнее место.

Осторожно пригнувшись, прячась за памятники и железные ограды, к месту выстрела подобрался кладбищенский сторож. У могилы Есенина, прямо на снегу, лежала женщина в клетчатом кепи и темном поношенном пальто. Она слегка стонала. Сторож распрямылся во весь рост и побежал к церкви поднимать тревогу. Из кладбищенских домов появились любопытные. Кто-то помчался к ближайшему милиционерскому посту звать на помощь. Быстро около тяжелой раненой образовалась толпа.

Скоро прибыла милиция, приехала и медицинская бригада «Скорой помощи». У тяжелой раненой женщины были найдены документы на имя Галины Артуровны Бениславской. Подняли записку:

«3.XII.1926. «Самоубилась» здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновского на поводу».

Умирающую Бениславскую срочно повезли в больницу. Кто-то поднял с земли коробку из-под папирос «Мозаика». На ней самоубийца перед роковым выстрелом написала несколько слов:

«Если финка будет воткнута после выстрела в могилу — значит даже тогда я не жалела. Если жаль — забрось ее далеко. 1 осячка».

Потом ходили разговоры, что осечек было несколько. Зато прозвучавший выстрел оказался точным. По дороге в больницу Галина Бениславская скончалась. Поездка развернулась, и тело покойной повезли на Пироговку в анатомический театр.

В комнате Бениславской были найдены рукописи Есенина, его письма к покойной, ее дневник и «Воспоминания о Есенине», напечатанные на пишущей машинке. Несомненно, все эти документы представляли огромную ценность, но властям Есенин был ненавистен. Союз писателей не проявил к ним внимания. Все документы попали в частные руки, и позже биографами поэта собирались по крохам. Дневник Бениславской попал за границу. Не сомневаюсь, что среди архива Бениславской были произведения Есенина, до сих пор не известные читателям.

В конце концов «Воспоминания о Есенине» оказались в архиве ЦГАЛИ и в течение десятилетий не выдавались исследователям творчества поэта. Только два года назад мне удалось ознакомиться с этими воспоминаниями, снять ксерокопии, директор архива запретила, пришлось переписывать от руки...

Кто же такая Галина Бениславская, какую роль она играла в жизни великого русского поэта и почему покончила с собой на его могиле? Обратимся к документам.

Знакомство Бениславской с Есениным относится к осени 1920 года. Она в «Воспоминаниях» писала: «Есенина

видела я в первый раз в жизни в августе или сентябре в Политехническом музее на вечеру всех литературных групп. Кто-то читал стихи, и в это время появились Мариенгоф и Есенин в цилиндрах. Есенину цилиндр — именно, как корове седло. Сам небольшого роста, на голове высокий цилиндр — кинематографическая фигура... Вдруг выходит тот самый мальчишка (Есенин. — Э. Х.); короткая, нараспашку куртка, руки в карманах брюк, совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув голову и стан, начинает читать:

Плюйся, ветер, охпакми
листьев, —
Я такой же, как ты,
хулиган...

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, ветер? Ветру бы у Есенина признаться удачи. Где он, где его стихи, и где его буйная удача? — разве можно отделить? Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Думается, это порыв такой с дождем, когда капли не падают на землю и не могут, даже не успевают упасть.

Или это упавшие желтые осенние листья, которые не терпеливой рукой треплет ветер и они не могут остановиться и кружатся в водовороте...

Или это пламенем костра играет ветер и треплет, и рвет его в лохмотья, и беспощадно треплет эти самые лохмотья...

Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а кажется вот-вот сорвется с корня и понесется неведомо куда...

...Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакали с мест и бросились к эстраде, к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочтите еще что-нибудь!». И через несколько минут, подойдя уже в меховой шапке с собольей оторочкой, пореблещки прочитал еще раз «Плюйся, ветер...».

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закурило и меня... Эти полторы недели прошли под гипнозом его стихов».

Анализ архивных документов дает нам уверенность утверждать, что Бениславская описывает вечер в Политехническом музее 19 сентября 1920 года.

Судьба было угодно свести двух совершенно разных людей: поэта Сергея Есенина, 25 лет, сначала принявшего революцию, а потом возненавидевшего руководство страны, и сотрудницу ВЧК, чле-

на партии, 23-летнюю Галину Бениславскую.

Нужно отметить, что ВЧК уже зацепила Есенина на крючок. 11 января 1920 года в кафе «Домино» был вечер выступления поэтов перед публикой. В кафе собрались молодые нэпманы, биржевые спекулянты, советские и партийные работники, сотрудники ВЧК, все те, кто в любое тяжелое время жил в свое удовольствие.

«Нас, молодых, выдвигающих поэтов из Пролеткульта, пригласили читать стихи в «Домино»... Когда мои товарищи читали, я с беспокойством смотрел на них и на публику. Они робели, старались читать лучше и оттого читали хуже, чем всегда, — вспоминал Н. Г. Полетаев, — а публика, эта публика в мехах, награбленных с голодного населения, лениво побалтывала ложечками в станках дрянной кофе с сахаром и даже переговаривалась между собой, нисколько не стесняясь. Мне пришлось читать предпоследнему. После меня объявляют Есенина. Он выходит в меховой куртке, без шапки. Обычно улыбается, но вдруг неожиданно бледнеет, как-то отодвигается спиной к эстраде и говорит:

— Вы думаете, что я вышел читать вам стихи? Нет, я вышел затем, чтобы послать вас к...! Спекулянты и шарлатаны!

Публика повскакала, с мест. Кричали, стучали, належали на поэта, звонили по телефону, вызывали «чеку». Нас задержали часов до трех ночи для проверки документов. Есенин, все так же улыбаясь, веселый и взволнованный, притворно возмущался, отчаянно размахивал руками, стискивая кулаки и наклоняя голову «бычком»... Он был доволен».

Но улыбался Есенин недолго. Против него было возбуждено уголовное дело № 10035. Это первое дело против Есенина, которое совсем недавно было обнаружено в московском архиве.

Я не одобряю выходку Есенина в кафе «Домино», больше того, я осуждаю его недержанность, но нужно иметь в виду, что в это время даже вожди большевиков употребляли нецензурную брань в публичных выступлениях, когда на улицах Москвы дрожали от холода тысячи безпризорников, когда на вокзалах лежали вповалку на полу тифозные больные вместе с трупами, когда... Квалифицировать действия Есенина, как особо опасное преступление, представляется откровенной глупостью. Этот поступок поэта мог быть рассмотрен работниками милиции, а не ВЧК. Инициатором привлечения к уголовной ответственности был комиссар ВЧК некто Шейкман, который потом ушел в тень. К делу Есенина приложили руку сотрудники МЧК товарищ Тизенберг, комиссар МЧК А. Растыгин и невысокого роста, всегда неопрятный, с лысым черепом и болезненными мешками

под жестокими глазами 29-летний начальник секретно-оперативного отдела МЧК Соломон Мессинг, которого в конце 30-х годов самого расстреляли, как врага народа.

Дело Есенина было направлено в народный суд. Судебное заседание было назначено на 31 марта. Получив повестку, Есенин срочно скрылся из Москвы в Харьков и возвратился оттуда только в апреле. Суд назначили повторно на 3 мая. Поэт из Москвы уехал к себе в село Константиново. Когда же судья распорядился доставить Есенина в суд силой, он 8 июля уехал на Кавказ (сведения из протокола допроса Есенина в деле № 18155, лист дела 79—80. Архив КГБ СССР).

Но не нужно думать, что ВЧК оставило в покое Есенина в январе 1920 года по этическим и моральным соображениям. 15 января 1920 года председатель ВЧК Ф. Дзержинский распорядился прекратить применение расстрелов по приговорам ВЧК и всех ее местных органов (Дзержинский Ф. Ф., изд. 3-е, т. 1, стр. 199—200).

Но после возвращения в Москву, 18 октября Есенин все же был арестован в квартире поэта Александра Кузиков (Арбат, Б. Афанасьевский переулок, дом 30, кв. 5) и посажен в тюрьму на Лубянке. Ряд биографов поэта предполагает, что данный арест Есенина был случайным, при очередной проверке документов.

Это ошибка. Личности Кузиковых и Есенина были хорошо известны чекистам. Они ворвались в квартиру Кузиковых под предлогом проживания в ней белогвардейца — молодого человека Рубена Кузикова.

Освобожден был Есенин под поручительство международного террориста Якова

шелся со своей женой». У гала ее и бросила трубку. Много раз потом я вспоминала этот разговор: почему меня это так задело, почему я обозлилась? Вот что пронеслось молнией в голове. «Есть жена, он ее любит» (Тогда я еще воображала, что только купцы и фабриканты могут не любить жены и жить с ней). Значит я могу быть спокойной и оставаться пассивной. Любить я могу сколько угодно — и только!.. Становиться на чьем-то пути тогда я не была способна. Узнав, что он «свободен», для меня стало ясно: раз никаких внешних преград нет, то я пойду на все. Я не могу не пойти — это моя внутренняя обязанность завоевывает то, на что я имею право.

Почувствовала, что это скорее страшно, а не радостно. Во всяком случае было ощущение чего-то рокового. И еще — значит кто-то из них (Есенин или жена) несчастен. А я уже тогда любила Есенина, так же, как и потом всю жизнь и, увы, не могла радоваться несчастью человека, близкого ему, даже если на этом строилось мое счастье. Смешно и страшно, но я до самой могилы — романтик при всей моей внешней рассудочности и при всем моем «цинизме», как это называет Яна».

Вскоре Бениславская и Есенин стали близкими. Он много работает над своими стихами. В апреле поэт уехал в Ташкент, возвратился в Москву примерно 10 июня 1921 года. В ночь на 11 июня на улицах Москвы были расклеены прокламации: «Имакинны всех стран, соединяйтесь! Всеобщая мобилизация поэтов, живописцев, актеров, композиторов, режиссеров и друзей действующего искусства № 1. На

на кладбище

Блюмкина. Вот этот документ:

«Подписка. О поручительстве за гр. Есенина Сергея Александровича обвиняемого в контрреволюционной делу гр. Кузиковых 1920 года октября месяца 25-го дня, я ниже подписавшийся Блюмкин Яков Григорьевич, проживающий по гостиница «Савой» № 136 беру на поруки гр. Есенина и под личной ответственностью ручаюсь в том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей.

Подпись поручителя
Я. БЛЮМКИН.

25.X.20 г. Москва.
Парт. билет ЦК Иранской Коммунистич. партии».

(Подчеркнутое вписано рукой Блюмкина в бланк, отпечатанный на пишущей машинке. Правильное подлинника. — Э. Х.).

Как арест отразился на моральном состоянии Есенина, можно узнать из его письма от 4 декабря Иванову-Разумнику: «Дорогой Разумник Васильевич! Простите, ради Бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так все неожиданно и глупо вышло. Я уже собрался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК. Это меня-то огорчило, оскорбило, и мне долго пришлось выветриваться...».

Но вернемся к «Воспоминаниям» Бениславской: «...Ноябрь 1920 г. Утро. Я работаю у себя на службе. Напротив сидит Кр-ко. (Наверное, — Крыленко. — Э. Х.). Телефонный звонок. Яна: «Прятай, могу сообщить приятную тебе вещь! Оказывается, Есенин разозлен, как говорится, упало сердце. Я обозлилась, обру-

воскресенье, 12 июня с. г. назначается демонстрация искателей и начинателей нового искусства...».

В листовках первым организатором этой акции был назван Сергей Есенин. Утром организаторы парада и митинга были задержаны и доставлены на допрос. Можно не сомневаться, что Есенин не имел к печатанию листовок никакого отношения. Более того, так, как написана листовка, поэт не писал. Но на допросе почему-то ответственность взял на себя.

Летом 1921 года Есенин вновь был арестован сотрудниками ВЧК. На этот раз операцией руководил бывший бандит, а при Советской власти член Президиума ВЧК Тимофей Самсонов. Без всяких оснований Есенина задержал отряд чекистов и посадил на Лубянку...

...Галина Бениславская делала все, чтобы удержать Есенина. Но этого сделать ей не удалось. Поэты не вноуваы, что у них такие влюбчивые сердца. 3 октября в мастерской художника Якубова собралась компания по случаю дня рождения поэта. Неожиданно в мастерскую пришла известная танцовщица Айседора Дункан.

Участники этого вечера единодушно вспоминали, что танцовщица, зная по-русски несколько слов, увидев Есенина, произнесла слово «Ангель». И потом его не отпускала от себя. Вскоре Есенин переехал на жительство в особняк на Пречистенке, предоставленный ВЧК А. Дункан. Она одна из первых назвала Есенина великим поэтом, поняла, какая смертельная опасность нависла над ним. Она «решила его спасти для России» и увезти за границу. 10 мая 1922 года она улетела на самолете в Германию.

Э. ХЛЫСТАЛОВ.

(Окончание следует).

«ВЫШКА»